

Дискурс первой романтической любви: гендерные сценарии¹

DOI: [10.19181/inter.2021.13.4.4](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.4)

Ссылка для цитирования:

Сокол А. В. Дискурс первой романтической любви: гендерные сценарии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 68–91. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.4>

For citation:

Sokol A.V. (2021) The Discourse of the First Romantic Love: Gender Scenarios. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 4. P. 68–91. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.4>

Сокол Анна Владимировна

Online Market Intelligence, Москва, Россия

E-mail: sokol1997@inbox.ru

Сексуальная, гендерная и семейная революции XX века привели к масштабной трансформации институтов брака, семьи и романтических отношений, а вместе с ними и к изменениям представлений о романтической любви, которые продолжают и по сей день. В современном обществе появляются разнообразные и даже противоречивые культурные модели и дискурсы, между которыми индивиды вынуждены маневрировать, пользуясь сценариями, представляющими собой рекомендации, схемы социально ожидаемых действий. Важную роль в усвоении, применении и дальнейшем формировании установок и практик романтической любви играет первое столкновение с ней, являющееся отправной точкой в нащупывании границ приемлемого поведения и сопровождающих его чувств. Но какой опыт сами индивиды относят к первой романтической любви, как ее оценивают и какое значение она для них имеет? Различается ли этот выстраиваемый опыт первой романтической любви у мужчин и женщин? Данное исследование посвящено изучению этих вопросов посредством обращения к дискурсивному опыту информантов и реконструированию на его основе исполненных гендерных сценариев первой романтической любви, опирающихся на более масштабный культурный образец. На основании 30 нарративных интервью было обнаружено 12 сценариев первой романтической любви, 7 из которых

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке компании «Online Market Intelligence».

имеют гендерную специфику. Принципиальные различия в понимании первой романтической любви между мужчинами и женщинами отсутствуют, однако ее оценка более эмоционально выражена у женщин, их сценарии в большей степени позитивно проработаны, тогда как у мужчин в сценариях больше негативного и амбивалентного опыта. Исследование также подтверждает, что культурный образец романтической любви действительно размыт и противоречив.

Ключевые слова: первая романтическая любовь; дискурс; гендерные сценарии; нарративное интервью

Введение

Нет сомнений в том, что романтическая любовь является неотъемлемой частью нашей социальной жизни и общечеловеческой потребностью. Каждый индивид рано или поздно сталкивается с этим прекрасным чувством, которое словно нить связывает нас с другими, позволяя чувствовать себя особенными на фоне неустойчивой индивидуальности как последствия исполнения множества различных ролей в современном мире [Luhmann, 1986]. Согласно статистическим опросам, любить и быть любимыми важно более 60% россиян, а более 70% отмечают, что испытывали настоящую большую любовь¹.

Однако может возникнуть вопрос, зачем же исследовать это таинственное, неуловимое и в то же время прекрасное и притягательное чувство социологам? И действительно, долгое время социология была безразлична к изучению романтической любви, которая считалась непредсказуемым и иррациональным явлением, не поддающимся каким-либо законам и объяснениям, а также связанным с опытом и эмоциями отдельных людей. Тем не менее переживание и выражение романтической любви обусловлено «социальным и культурным контекстом, в котором она переживается», и не может происходить отдельно от него [Jackson, 1993: 202]. Это не просто физиологический процесс, это смыслы, придаваемые этому процессу, представления и практики в соответствии с ними. С одной стороны, романтическая любовь подразумевает применение существующих социально-культурных моделей на практике, опирающихся на существующие нормы — что и как чувствовать, как себя вести в соответствии с этим. С другой стороны, через романтическую любовь как социальное взаимодействие индивиды интерпретируют свой опыт, придают ему определенные смыслы и формируют новые представления, которые затем закрепляются в культуре и порождают новые практики. Таким образом, через субъективный опыт романтической любви просматривается как воспроизведение социальных структур, так и их конструирование, что открывает возможности для социологического анализа.

¹ Россияне о любви // Левада-центр. 12.02.2016. URL: <https://www.levada.ru/2016/02/12/rossiyane-o-lyubvi/> (дата обращения: 03.12.2020). Данный материал создан российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

Till Death Do Us Part?

Современные реалии предлагают нам огромное количество культурных моделей романтической любви, зачастую даже противоречивых. Так, романтическая любовь в рамках эмоционального капитализма и терапевтического этоса понимается как подрывающая рациональный самоконтроль эмоций, поэтому мы должны научиться сдерживать свои чувства и эмоции, что приводит к их угасанию и неполноценности, они «становятся все более неуловимыми, а наше стремление к ним — все более насущным» [Illouz, 1997: 294]. Также неудовлетворенность качеством отношений и императив «быть счастливым» подвергают индивидов бесконечным поискам захватывающего чувства, а боязнь разбитого сердца подталкивает к временным и хрупким связям, любовь становится «текучей» [Bauman, 2003]. С другой стороны, культура через СМИ навязывает нам идеализированную романтическую любовь, предполагающую гарантии совместности с перспективой «пока смерть не разлучит нас». Пытаясь маневрировать между этими противоречащими моделями, индивиды сталкиваются с кризисом, «характеризующимся глубоко укоренившимся подозрением к любви, путаницей между ее рациональными и иррациональными проявлениями и трудностью интерпретации своих чувств» [Illouz, 1997: 293–294]. Сложность ориентирования во всем многообразии, размытости и противоречивости культурных моделей также дополняется разнообразием ситуативных и гендерных схем, поскольку интерпретация и применение готовых моделей, а также придание смыслов совершившемуся опыту может осуществляться по-разному.

Важную роль в понимании того, какие культурные образцы усвоены и как они применяются на практике, играет первая романтическая любовь. Это первый сильный эмоциональный опыт, который обычно происходит в возрасте 14–17 лет¹ и является отправной точкой в нащупывании границ приемлемого поведения и сопровождающих его чувств. Он помогает «проиграть» социальные роли и сформировать новые успешные в реализации сценарии, то есть схемы социально ожидаемых действий. Тем не менее остается неясным, как же происходит этот первый опыт, на какие культурные модели он опирается. И поскольку гендерные различия являются «важным фактором в понимании культуры романтики» [Jackson, 1993: 217], рассматривать романтическую любовь необходимо в гендерной специфике. Следовательно, наша задача состоит в реконструировании исполненных гендерных сценариев первой романтической любви, опирающихся на более масштабные культурные модели.

Романтическая любовь как психологическая категория

Поскольку романтическая любовь долгое время была вне основного фокуса изучения социологии, ключевыми игроками на арене исследования сущности и особенностей данного явления выступали философия и психология. Конечно,

¹ Первая любовь // ФОМ. 13.02.2014. URL: <https://fom.ru/TSennosti/11346> (дата обращения: 03.12.2020).

нельзя недооценивать вклад каждой из наук, изучающих романтическую любовь, однако в обыденном сознании романтическая любовь представляется скорее психологическим феноменом. Даже многие информанты, которых мы приглашали на интервью рассказать о своем опыте романтической любви, изначально считали, что они участвуют в психологическом исследовании. Романтическая любовь в повседневной жизни прежде всего — это чувство, при описании которого большинство людей пользуется языком популярной психологии, поэтому и переживание романтической любви происходит «в основном через психологические категории» [Аронсон, 2020; Illouz, 2012: 14]. Таким образом, невозможно понять специфику романтической любви, не затрагивая психологические теории и исследования о ней. Тем более, некоторые работы психологов по этой теме носят социологический характер, в то время как социологи иногда обращаются к вопросам о романтической любви, изучаемым психологией [Felmlee, Sprecher, 2006].

Существует множество различных психологических категоризаций любви. Среди основных видов можно выделить страстную любовь, или влюбленность, где подчеркивается интенсивность эмоций и сексуального желания, эротическую — с возвышенностью страсти и сексуальности, платоническую — с акцентом на духовность и возвышенность над телесным, и компанейскую — основанную на развивающейся с течением времени привязанности, тесной близости и приверженности [Sternberg, 1986; Hatfield, 1988; Фромм, 2018; Grunebaum, 1997; Karandashev, 2015; Walster, Walster, 1978; Hendrick, Hendrick, 1993]. Романтическая любовь либо приравнивается к некоторым из этих видов, либо сопоставляется по разным аспектам, поэтому сложно выделить какое-то единое и устоявшееся понятие. В свою очередь это дает нам возможность рассматривать романтическую любовь как более широкий культурный феномен по сравнению с остальными видами, который может трансформироваться в зависимости от культуры и доминирования тех или иных компонент [Karandashev, 2019].

Оставаясь в рамках психологии, нельзя проигнорировать и тот факт, что большинство психологических теорий основано на исключительной важности первого опыта взаимодействий (чаще всего в раннем детстве) и его влиянии на более поздние взаимоотношения с другими людьми. Например, согласно теориям привязанности и полового развития, первые отношения с опекуном характеризуют последующее поведение в романтических отношениях [Hazan, Shaver, 1987; Chodorow, 1978]. Также согласно терапевтическому этосу, более ранний жизненный опыт влияет на успешность текущих отношений, поэтому его необходимо прорабатывать [Illouz, 1997]. Это свидетельствует о том, что первый опыт действительно значим для нас, даже если мы сами этого не осознаем. Несмотря на то, что природа этого явления психологическая, все же существуют основания полагать, что этот опыт важен для формирования у индивидов установок о романтической любви и влияет на последующий романтический опыт. Поэтому необходимо пристальнее рассмотреть первую романтическую любовь, чтобы понять, что происходит на этом этапе с социологической точки зрения.

Романтическая любовь в социологии

До второй половины прошлого века социологи изучали в основном близкие к романтической любви концепты, такие как семья, брачные отношения, сексуальность. Тем не менее в работах представителей классической социологии романтическая любовь все же упоминается, хотя и не занимает там центрального места. Уже у Э. Дюркгейма можно увидеть противопоставление семейной любви, основанной на долге, эмоциональной связи и поддержке, и страстной любви — свободной и спонтанной, основанной на удовольствии и избирательности [Durkheim, 1896–1897]. М. Вебер в одной из своих работ тоже оперирует категориями любви: он выделяет братскую любовь, основанную на всеобщей любви и альтруизме, сексуальную — иррациональную и эксклюзивистскую, которую можно «приручить» рамками брака и которая вследствие эротизации сексуальности возводится до эротической любви как искусства и наслаждения, способной заменить братскую любовь в качестве спасения в условиях капитализма и рациональности [Weber, 1946]. П. Сорокин ближе всего был к рассмотрению романтической любви как центральной категории в своих теориях, однако из-за мистических ориентаций его труды в основном игнорируются научным сообществом [Sorokin, 1954; Rusu, 2018]. Вслед за представителями классической социологии Т. Парсонс тоже косвенно затрагивает тему романтической любви, рассматривая ее исключительно в браке как новое связующее звено вместо существовавшей ранее широкой сети родства [Parsons, 1943]. Таким образом, в социологии XIX — середины XX века романтическая любовь ограничивалась понятиями страстной, сексуальной и эротической любви и рассматривалась, скорее, как эгоистичная, иррациональная и аффективная, если она существовала вне брака, тогда как в нем она уже описывалась категориями семейной и компанейской любви, «обузданной» и не такой желанной.

Изучение романтической любви как отдельного социологического феномена актуализировалось лишь во второй половине прошлого века с появлением социологии эмоций. Ведущая исследовательница в этой области А. Хохшильд призывает обратить внимание на то, как индивиды пытаются чувствовать, а не только на то, как они пытаются показать, что чувствуют [Hochschild, 1979; 1983]. Так, культура предоставляет нам репертуары приемлемых правил чувствования и правил выражения этих чувств, которые являются социально ожидаемыми в зависимости от определенного контекста и ситуации. Вслед за представителями психологии социологи разрабатывали различные типологии любви, чтобы описать этот сложный и многогранный феномен. Н. Луман рассматривает любовь как семантический код в определенные исторические промежутки, выделяя куртуазную, страстную и романтическую любовь, появляющуюся лишь в XIX веке и основанную на рефлексии и автономии [Luhmann, 1986]. Э. Гидденс выделяет относительно универсальную страстную любовь, основанную на сильной эмоциональной связи и сексуальном желании, противопоставляя ее культурно обусловленной и идеализированной романтической любви, подразумевающей единение душ, эмоциональную

близость и привязанность, что противопоставляется сексуальному влечению как чему-то земному и непристойному. В данной типологии присутствует еще и любовь-слияние — неожиданная и свободная любовь, существующая ради себя самой, пока есть выгода, удовлетворение и пока она желательна или существенна для партнеров [Гидденс, 2004]. Наиболее актуальна типология Э. Иллоуз, которая предполагает две сосуществующие одновременно модели любви — идеалистическую, пронизанную романтикой и фантазиями, представлениями об ослепляющей и всепоглощающей любви и страсти, и реалистичную — предполагающую совместную работу в повседневности, взаимопонимание, поддержку и принятие недостатков другого [Ilouz, 1997]. В ходе своих исследований Э. Иллоуз выявила, что реалистичная модель часто ставится информантами под сомнение — а любовь ли это вообще? — из-за отсутствия готовых образов, потребляемых через СМИ, которые в свою очередь транслируют в основном идеалистические сценарии.

Таким образом, поскольку общая и четко разработанная концептуализация любви, которой придерживались бы все исследователи, отсутствует, используя концепт романтической любви, мы прежде всего подчеркиваем ее обусловленность культурой, что важно для социологического понимания этого явления, а также пытаемся отказаться от многообразия классификаций и упрощенных моделей. Романтическая любовь — это социальный конструкт — то, как ее понимают и описывают индивиды, истолковывая социальную реальность и действуя в ней. Согласно доминирующему сценарию развития, романтическая любовь следует за физиологическим процессом влюбленности, включает его интенсивность в эмоциональном и сексуальном плане, а со временем может перерасти в компанейскую любовь [Sprecher, Regan, 1998]. То есть это осознанный выбор следования культурным практикам для продолжения взаимоотношений, возникающих в результате всплеска эмоций, наделяемого смыслом как возвышенного и идеализированного чувства, основанного на страсти и близости, а также на желании сексуального, эмоционального и духовного единения с возлюбленным.

Как и большинство исследователей, мы рассматриваем романтическую любовь как близость только между мужчиной и женщиной, так как это является доминирующим сценарием современной культуры. Несмотря на изменения, произошедшие в результате гендерной и сексуальной революции, все еще остаются актуальными гендерные различия в выражении чувств и эмоций, нормах поведения и т. п. Так, женщинам присуще проявление нежных и позитивных эмоций, они рассматривают любовь скорее как компанейскую, с эксклюзивностью и долгосрочной перспективой на репродуктивность, а также более детально помнят и воспроизводят события, касающиеся романтических отношений, тогда как мужчины избегают нежных чувств, стараясь демонстрировать свое господство и компетентность, хотя они в большей степени придерживаются романтических взглядов, связывают любовь с сексуальностью и удовольствием, быстрее влюбляются и большое количество партнерш придает им большей самооценности, но о своем опыте обычно сообщают лишь сухие факты [Симонова, 2015; Fehr, Broughton, 2001;

Hendrick et al., 1984; Бендас, 2006; Illouz, 2012; Ellis, 1949; Cross, Madson, 1997]. Исходя из этого, логично предположить, что переживание первой романтической любви у мужчин и женщин, как и ее описание, различается. Для этого мы используем понятие гендерного сценария как схемы ориентации в мужественном и женственном, используемого в данном случае в контексте романтической любви. В основу данного понятия лег концепт сексуального сценария, введенного Дж. Ганьоном и У. Саймоном, под которым они подразумевали социально-когнитивные схемы, предписывающие определенные взаимодействия в сфере сексуального [Gagnon, Simon, 1973]. Гендерный сценарий также можно рассматривать как социальную установку (аттитюд) — концепцию, введенную в социологию У. Томасом и Ф. Знанецким, подразумевающую «процесс индивидуального сознания, определяющий реальную или возможную деятельность индивида в социальном мире» [Thomas, Znaniecki, 1918: 22]. То есть гендерный сценарий как установка регулирует социальное поведение в рамках романтической любви, формируя определенные представления и побуждая индивидов к нормативному действию. Структура этих установок состоит из когнитивного (осознание объекта), аффективного (эмоциональное отношение к объекту) и поведенческого (интенции и поведение по отношению к объекту) компонентов [Андреева, 2001]. Поэтому для гендерного сценария первой романтической любви мы включаем совокупность схем, различающихся в гендерном аспекте по следующим критериям: 1) опыт первой романтической любви — как ее понимают, описывают и что в нее включается, 2) оценка романтической любви с точки зрения эмоций, 3) значение первого опыта романтической любви в построении последующих взаимодействий и установок.

Методология исследования

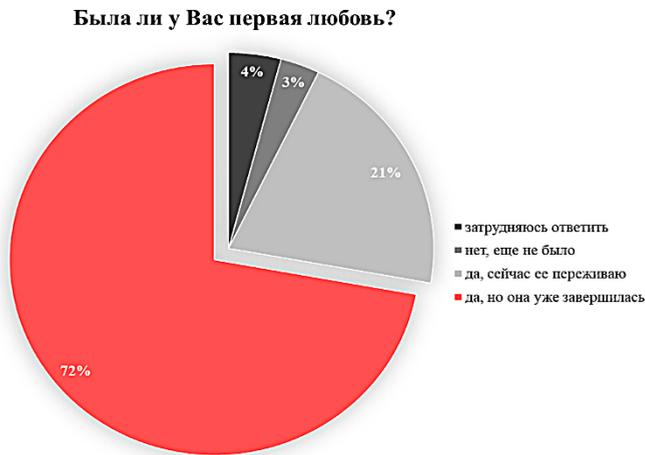
Поскольку романтическая любовь как чувство является субъективно переживаемым опытом, то исследовать ее можно лишь дискурсивно — через то, как о ней говорят и что пишут [Jackson, 1993]. Дискурс рассматривается здесь как существующий в культуре способ выражения внутренних переживаний, который одновременно влияет и на то, как именно мы их переживаем. Необходимый эмпирический материал был собран с помощью нарративов, которые являются одной из форм устного дискурса, где информанты выступают в роли рассказчиков и их речь выстраивается как повествование с определенной последовательностью отбираемых событий. Нарративное интервью состоит из трех частей: импульса и целостного рассказа информантов о своем опыте, нарративного расспрашивания — уточнения и прояснения отдельных моментов, и заключительной части, где нужно оценить соответствующий опыт. В качестве импульса для информантов выступала просьба рассказать о своем опыте романтической любви в целом, начиная с первых романтических чувств и вплоть до настоящего времени. Это было сделано с целью отследить место первой романтической любви во всем нарративе, которая

может не осознаваться информантами, а также для повышения рефлексивности при дальнейшей оценке первой романтической любви.

При построении выборки учитывалось, что первая романтическая любовь в российском контексте возникает чаще всего в 14–17 лет, а большинство событий, имеющих отношение к любовной жизни, происходят до 30 лет [Dunlop et al., 2017]. Также согласно одному из исследований о романтической любви, лишь самая молодая (20–29 лет) и самая старшая (70–85 лет) возрастные группы обращаются к своим воспоминаниям чаще остальных, как бы «репетируя» свой пережитый опыт [Alea, Vick, 2010]. Главный критерий отбора информантов — завершенная первая романтическая любовь и хотя бы одни романтические отношения или влюбленности после нее, чтобы проследить роль первого опыта во всей истории. Для выделения типичных сценариев было решено выбрать более-менее однородную по социальному бэкграунду выборку, у которой, в свою очередь, могут быть совершенно разные сценарии первой романтической любви. Среди критериев однородности выбраны географическая локация (г. Москва), принадлежность к среднему классу на основе образования и дохода и возраст, который вписывается в рамки одного поколения миллениалов (20–30 лет) [Радаев, 2018].

Сбор данных осуществлялся с помощью рекрутирования респондентов через крупнейшую российскую онлайн-панель компании OMI. Панелистам был выслан короткий опрос, и среди тех, кто был согласен на проведение нарративного интервью и подошел по критериям выборки, было отобрано 30 наиболее расходящихся по опыту информантов (15 женщин и 15 мужчин), чтобы учесть различные варианты проявления сценариев первой романтической любви. Опрос также показал, что данное исследование посвящено наиболее типичному опыту — завершенной первой романтической любви (рис. 1).

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос о первой романтической любви

Далее был осуществлен содержательный (тематический) анализ нарратива, включающий три его вида: обобщающий — редукция основных моментов в каждом нарративе по выделенным темам, объясняющий — поиск дополнительной информации, содержащейся как в самом тексте нарратива и его лингвистических особенностях, так и в более широком контексте, и структурирующий — отбор необходимого материала по ключевым темам исследования и систематизирование его в типизации [Рождественская, 2020]. На выходе была составлена кодировочная таблица с исходным материалом, его обобщением и ключевыми словами по выделенным темам. В качестве ограничений исследования стоит учитывать сензитивность темы и ограниченную репрезентативность результатов в силу использования интерпретативной парадигмы и специфичности выборки.

Результаты исследования

Обычно самые первые упоминаемые информантами романтические чувства возникают в детском саду, но только с пятого класса они оцениваются как более-менее серьезные. В этом возрасте наблюдается уже некоторая социальная зрелость, выражающаяся в осознанности, самостоятельности, способности воспринимать себя и окружающих, также примерно в этом возрасте начинаются процессы полового созревания. Поэтому мы ограничиваем описание первой романтической любви как самого раннего опыта рамками школы, хотя даже этот опыт еще не полноценен по своему проявлению. То есть могут быть сформированные представления о том, как это все должно происходить, но их реализация происходит с учетом ряда ограничений, таких как отсутствие сексуальной близости и т. п. За рамками нашего рассмотрения находится опыт единственного информанта, чья первая романтическая любовь произошла в пять лет — неосознанном возрасте, накладывающем еще большие ограничения на опыт романтической любви. Это еще социально некомпетентный ребенок, который не осознает, что подлежит паттернизации, он не делает выводов из этого опыта, хотя у него уже есть эмоциональный запрос на романтические чувства.

Особенности опыта первой романтической любви

В среднем возраст, в котором переживается первая романтическая любовь, среди информантов составляет 16 лет. Но если у женщин самый поздний опыт первой романтической любви происходил в 18 лет, то у мужчин он встречается в 19–20 лет и даже в 24 года. Длительность первой романтической любви варьируется примерно от 6 месяцев до 5 лет. Наименее продолжительные чувства — это невзаимная романтическая любовь, хотя у двух информантов со схожими историями она длилась на протяжении 2 и 5 лет. Самая долгая первая романтическая любовь в отношениях длилась от 4 до 4,5 лет

и происходила в основном у тех, кто рассказывает о ней больше половины времени в нарративе (4 женщины и 1 мужчина). Статистическая проверка предположения, что женщины уделяют первой романтической любви больше внимания, чем мужчины в своих нарративах, не показала значимых различий. Хотя для женщин в большей степени характерно возвращение к первой романтической любви в других частях нарратива, что может подтверждать выводы А. Эллиса о том, что женщины больше вспоминают свой романтический опыт и ориентируются на него [Ellis, 1949].

Немногие информанты описывают своего партнера по первой романтической любви. То есть скорее во всем этом опыте им важнее их собственные чувства, чем конкретный человек. Но те мужчины и женщины, которые описывают своего возлюбленного, в основном сосредоточиваются на внешности, однако мужчины описывают еще и внутренние качества партнерши. Это расходится с выводами В. Карандашева о том, что мужчины ценят внешность больше, чем женщины [Karandashev, 2015].

Для многих женщин важно мнение других, в качестве которых обычно выступают родители или подруги:

«Мама говорила, что у меня светятся глаза. И подружка моя говорила: когда ты что-то рассказываешь, ты прям активная, светящаяся» (Лера, 21 год).

Из мужчин только один информант опирается на чужое мнение, в его случае это осуждение общества из-за большой разницы в возрасте с возлюбленной. В целом можно сказать, что мужчины в своих нарративах показывают себя независимыми, тогда как среди женщин обнаруживается тенденция определять себя через других, что согласуется с выводами Н. Чодороу, К. Далессандро и Э. Уилкинса [Chodorow, 1974; Dalessandro, Wilkins, 2017].

У большинства информантов (22 чел.) первая и последующая романтическая любовь происходили в рамках отношений, которые выступают как критерий полноценности чувств романтической любви — если вы испытываете взаимные чувства, то почему бы не закрепить их на нормативном уровне? За исключением одного информанта, количество раз, когда испытывалось чувство романтической любви, всегда меньше, чем количество отношений, что отражает приемлемость отношений без романтической любви для современной молодежи.

Что касается сексуального опыта, то связано ли это с сензитивностью темы или неважностью данного аспекта в романтической любви (лишь 1 мужчина и 1 женщина акцентировали внимание на том, что романтическая любовь должна включать в себя сексуальный опыт), но 9 информантов вообще не упоминают сексуальные отношения в своих историях. Среди 20 информантов, в чьих историях присутствует сексуальный опыт, только у 9 (5 женщин и 4 мужчин) он присутствует и в первой романтической любви. То есть у большинства все же первый секс и первые романтические чувства не взаимосвязаны.

Несмотря на то, что большинство информантов отмечает, что сексуальные отношения должны быть только по любви, все же сексуальный опыт нормализуется и вне романтических чувств. Однако ощущаемая неприемлемость в обществе такого поведения выражается в основном мужчинами:

«С ней было что-то вроде... прости господи за это... секса по дружбе, но, кстати, не с моей подачи» (Володя, 26 лет).

«Иногда животное преобладает... стесняюсь сказать» (Денис, 23 года).

А вот приемлемость сексуальных контактов вне романтической любви разделяют как мужчины, так и женщины:

«Физиология никуда не делась, это всегда хочется» (Настя, 27 лет).

Это противоречит выводам В. Карандашева и Е. Ильина о том, что «секс без любви более проблематичен для женщин, чем для мужчин», так как «женское сознание не может смириться с определением любви как секса» [Karandashev, 2019: 96; Ильин, 2013: 254]. Можно наблюдать, что двойные стандарты в сексуальной сфере действительно понемногу стираются, лишь двое информантов подмечают, что женская сексуальность все еще не воспринимается так же, как и мужская:

«Есть доля парней, я в их число, наверное, тоже вхожу, которые очень архаично и традиционно мыслят о том, что если у девушки первые отношения с тобой, то она качеством повыше, грубо скажем» (Тёма, 23 года).

«Не нравится, когда у девушки до меня было много парней, хотя в этом плане у меня у самого было много. И это меня напрягает, такой парадокс» (Вадим, 25 лет).

Если говорить о браке как институциональном закреплении серьезности чувств, то его не так часто упоминают, особенно в рамках первой романтической любви. Тем не менее именно первая романтическая любовь становится поводом для рационализации брака без любви для женщин, когда испытать такие же сильные и эмоциональные романтические чувства уже невозможно:

«Такого чувства больше не было и, наверное, не будет никогда. Вот есть и в нынешних отношениях эйфория, но той эйфории уже не повторится» (Аня, 29 лет).

«Сейчас больше бытовухи, за душу не берет. Хочется романтики, но не отзывается в сердце, притупленность появилась. Прожил эти эмоции, больше и не хочется» (Юля, 26 лет).

Гендерные сценарии первой романтической любви: понимание, оценка и значение

Понимание первой романтической любви. Больше половины информантов (17 чел.) начинали свои нарративы именно с первой романтической любви, то есть самый первый значимый опыт они и считают первой романтической любовью. Остальные информанты описывают первые романтические чувства как просто первый опыт влюбленности и не считают его настолько значимым, чтобы называть первой романтической любовью. Однако существует ряд оснований для рационализации описания первых романтических чувств, не являющихся первой романтической любовью. Во-первых, это служит пониманию того, что информанты могут испытывать какие-то романтические чувства, которые лишь впоследствии благодаря определенным обстоятельствам превратятся в первую романтическую любовь: *«Первый раз что-то колыхнулось»* (Дима, 24 года).

Во-вторых, это важность романтического опыта на тот период:

«Начну с 12 лет, все-таки тогда какие-то серьезные чувства были, как мне казалось. Думала, что мы поженимся, будут дети. Поэтому не могу как-то их обесценить» (Катя, 28 лет).

В-третьих, наличие характерных для романтической любви элементов (первый поцелуй, первые отношения), но без серьезных чувств, а также желание не обесценивать чувства партнера:

«Мы с ним встречались, хотя это было очень-очень странно. Я не считаю это отношениями, хотя он утверждает обратное» (Алина, 22 года).

И еще один случай — влияние сверстников, подразумевающее нормативную гетеросексуальность:

«Как и все мальчишки, бегал за какой-то девчонкой. Понятное дело, что, если ты за ней не ухлестываешь, значит, ты какой-то неправильный, скорее всего» (Тёма, 23 года).

Переходя к первой романтической любви, наиболее распространенным опытом среди мужчин и женщин являются именно первые взаимные чувства, сопровождающиеся (за исключением одного информанта) романтическими отношениями (8 женщин и 7 мужчин):

«По идее первая любовь — это твои первые отношения, такие, типа, официальные... просто потому, что они во что-то вылились» (Тёма, 23 года).

Первые не взаимные чувства, где больше важны именно свои ощущения, встречаются у 3 женщин и 3 мужчин:

«Было такое чисто невинное... возвышенное чувство, ну, первая любовь, которая такой и должна быть, хоть и не взаимная. Недаром считают, что из первой любви обычно ничего хорошего не получается» (Лиля, 22 года).

Не первые взаимные чувства происходили у 4 женщин и 4 мужчин — обычно это более продолжительный, яркий опыт с более серьезными и глубокими чувствами, страданиями, страстью, физиологическими реакциями:

«Эти чувства у меня прям очень глубокие были, после расставания кошмар как переживала, максимально сильно» (Алина, 22 года).

«Когда через многое прошел» (Рома, 22 года).

Конечно, первые взаимные чувства тоже могут обладать перечисленными свойствами, но у тех, у кого первая романтическая любовь — это не первые взаимные чувства, опыт обычно должен быть намного серьезнее, чтобы назвать его именно первой романтической любовью. Таким образом, понимание первой романтической любви можно разделить на три категории — неразделенная любовь, взаимная любовь и серьезная любовь.

Эмоциональная оценка первой романтической любви. Большинство респондентов оценивают свой опыт первой романтической любви как положительный. Однако если среди женщин это 12 информанток, то среди мужчин всего 7. Девушки не боятся позитивных проявлений этого чувства, тогда как мужчины в большей степени, чем женщины, подвержены амбивалентным и негативным эмоциям, что создает впечатление сдержанности:

«Эмоции положительные больше. Не было моментов, чтобы человек меня как-то обижал. То есть в этих отношениях я была абсолютно счастлива» (Алина, 22 года).

«Вспоминаю с теплотой исключительно, нет сожаления, не ностальгирую» (Оля, 23 года).

«Иногда всплывает что-то хорошее, но скорее никак, нейтральные эмоции, негатива тоже нет» (Денис, 23 года).

Негативной оценки в целом очень мало — она присутствует лишь у одной женщины и двоих мужчин. Но в случае девушки негативная оценка связана с неблагоприятным значением первого опыта, а у мужчин просто с неприятными эмоциями. Что касается амбивалентности, то мужчинам сложнее

оценить эмоциональное отношение к первой романтической любви. Если почти все девушки четко обозначали свою реакцию (лишь 2 женщины оценивают романтическую любовь амбивалентно), то мужчины в большей степени сомневаются (5 мужчин). Это указывает на то, что они, скорее всего, не смогли до конца рационализировать свой первый опыт, им довольно сложно разобраться в комплексных эмоциональных переживаниях и занять конкретную позицию по отношению к этому опыту, хотя они придают ему определенное значение. Таким образом, эмоциональную оценку первой романтической любви можно разделить на позитивный, негативный и амбивалентный опыт.

Больше всего описаний чувств и эмоций прослеживается в женских нарративах — здесь присутствуют как позитивные, так и негативные эмоции, описания чувств: *«Какая-то радость, любовь изнутри так и прет, тепло внутри как будто»* (Лера, 21 год); *«трепет, урчание в животе», «страхи до дрожи»* (Юля, 26 лет); *«плакала много», «подкосилась в плане психологическом — неврозы, депрессия, не хотелось ничего»* (Катя, 28 лет). У мужчин встречается больше негативных эмоций в нарративах — при переживании разрыва, ссор и т. п.: *«Плохо было, больно»* (Тёма, 23 года); *«очень тяжело переживал, долго страдал»* (Вадим, 25 лет); *«переросло в болезненные страдания, дискомфорт внутри»* (Илья, 27 лет). Мужчины тоже описывают свой положительный эмоциональный опыт, но по большей части только с подачи интервьюера при нарративном расспрашивании или на этапе оценки:

«Хочу видеть, быть постоянно рядом» (Денис, 21 год).

«Любовь — это взаимность, нежность, открытость, когда вам просто хорошо в плохих условиях» (Вадим, 25 лет).

Также ни один мужчина не отметил, что он ностальгирует по первой романтической любви, хотя иногда некоторые вспоминают про свой первый опыт. Всего о ностальгии упоминают лишь 3 женщины.

Несмотря на присутствие эмоционального отношения к опыту первой романтической любви, во время нарратива информанты спокойно рассказывают о пережитом опыте. То есть первая романтическая любовь по сути является уже отрефлексированным, «отработанным материалом», вероятно, это связано в целом с тем, что представители образованного среднего класса умело управляют своими эмоциями [Hochschild, 1983]. Также вопреки имевшимся опасениям мужчины были столь же открыты и довольно подробно описывали свой опыт, как и женщины. Но если К. Далессандро и Э. Уилкинс связывают это с принадлежностью информантов и интервьюеров к одному социальному классу, то нам кажется, что это происходит скорее из-за устоявшегося мнения о том, что любовь является традиционно женской эмоцией и обсуждать эту тему с интервьюером-женщиной гораздо проще, чем с интервьюером-мужчиной [Dalessandro, Wilkins, 2017].

Значение первой романтической любви. Значение первого опыта во многом прослеживается уже при описании разрыва, который у большинства информантов происходит довольно тяжело, даже если они сами разрывают отношения:

«Это было тяжело, как привязать к себе человека и просто его выкинуть. Я чувствовала себя отвергательно, но сделать иначе я не могла» (Настя, 27 лет).

Как и женщины, мужчины тоже очень эмоционально переживают разрыв, но обычно не демонстрируют это: *«Было очень плохо, 2 месяца в слезах, соплях, рвало — так сильно плакал»* (Вадим, 25 лет); *«тяжело переживал, но не показывал»* (Артём, 30 лет).

Многие информанты описывают разрыв в рамках терапевтического дискурса, где он выступает как толчок к переосмыслению, проработке своих травм и более сильному контролю над эмоциональностью, что сказывается на скорее поверхностном погружении в следующие романтические отношения и чувства. Женщины также упоминают новых партнеров как возможность забыть первый романтический опыт. Если говорить о последствиях разрыва, то информанты описывали как положительные последствия: саморазвитие, погружение в учебу, осознание важных для них вещей; так и негативные, такие как употребление алкоголя, психические расстройства, разочарование или недоверие к противоположному полу. Значение первой романтической любви также тесно связано с эмоциональной оценкой. Позитивные эмоции обычно характеризуют последствия, связанные с научением, осознанием и вынесением уроков, причем в том числе и из негативного опыта. Негативные эмоции отражают неприятные ситуации для информантов — не только в связи с негативным значением первой романтической любви, но и с отношениями в целом, оценкой себя или возлюбленного как некомпетентного партнера, даже если это привело к положительным последствиям. Амбивалентные эмоции в большинстве случаев связаны с различными значениями первого опыта — как положительными, так и негативными.

В итоге нам удалось выделить шесть категорий значения первого опыта, которые пересекаются между собой, то есть у одного индивида может быть несколько значений первой романтической любви.

Так, *опыт роста и взросления* описывает становление лучшей версии себя, приобретения определенных положительных качеств:

«Начала интересоваться тем, чем и он — психология, философия, за ним тянуться. Это был для меня толчок развиться» (Аня, 28 лет).

«Я стала более открытой. Изменилось отношение к близким» (Лера, 21 год).

Противоположный ему — *опыт переломного момента* с негативными последствиями и изменениями:

«Стала загоняться, не принимала себя. Сравнивала себя с предыдущими девушками своих молодых людей» (Маша, 24 года).

«Стал более жестким. Меньше доверяю людям» (Денис, 21 год).

Еще одно значение первого опыта — это *учебник любви*. Оно относится к открытию для себя новых идей и знаний, это образец того, как нужно или не нужно себя вести, опирающийся на позитивный опыт:

«С ним я поняла, что такое любить» (Наташа, 20 лет).

«Отношения должны быть основаны по большей части на дружбе» (Эрик, 20 лет).

«В девушках начал видеть существо возвышенное» (Дима, 24 года).

«Это опыт, новые чувства, эмоции, помогает не делать ошибок» (Илья, 27 лет).

«Эталон, мера весов — как можно, как нельзя» (Володя, 26 лет).

«Толчок к пониманию, как вести себя с девушкой, как общаться, дарить подарки» (Артём, 30 лет).

Немного другое значение у *опыта горьких уроков* — это признание своих ошибок и возможность их учесть, сделать будущие отношения лучше, это скорее более глубокое переживание своих неудач и выводы по негативному опыту, тому, как не должно быть:

«Сравниваю как не нужно. Начал отслеживать, контролировать, чтоб не допустить того, что было» (Тёма, 23 года).

«Этот опыт надо правильно отработать — как не должно быть, антипример» (Денис, 23 года).

«Психологическое состояние важнее, чем любовь, лучше не потерять себя. Была наивной, отдала всю себя — нужно себе знать цену» (Ника, 24 года).

Опыт новой любовной тактики описывает изменение стратегий и поведения для новых романтических отношений:

«Если нравится — хочу узнать, долго общаться, больше приглядеться» (Рома, 22 года).

«Научился быть более внимательным, открытым» (Саша, 23 года).

«Если не хотелось — не делал. Если ссора — не держался за человека, было неинтересно» (Артём, 25 лет).

«Стал лучше оценивать партнера» (Стево, 27 лет).

А опыт эмоциональной трезвости — это отсутствие возможности или желания испытать такой же эмоциональный накал: «Стала с более холодной головой» (Настя, 23 года); «строю стенки, чтобы не привыкать к человеку» (Миша, 29 лет).

Для итоговой типологии выделенные значения первой романтической были объединены в три более крупных категории по смыслу, чтобы возможное число сценариев не выходило за рамки числа информантов. Значение *метаморфоз* описывает влияние на жизнь информанта в целом, его изменения (опыт роста и переломного момента). *Тренажер любви* — это влияние на последующие любовные отношения, любовный ориентир (опыт учебника любви, горьких уроков, новой любовной тактики и эмоциональной трезвости). Наконец, *комплекс* — это значение опыта первой романтической любви, сочетающее в себе значения метаморфоза и тренажера.

Типология гендерных сценариев первой романтической любви

Итоговая типология гендерных сценариев первой романтической любви основана на понимании первой романтической любви (неразделенная, взаимная, серьезная), испытываемых эмоциях к этому опыту (позитивных, негативных, амбивалентных) и его значении для последующих романтических отношений и жизни в целом (метаморфоз, тренажер любви, комплекс). Из теоретически возможных 27 гендерных сценариев первой романтической любви у наших информантов было обнаружено всего 12. Среди них — 4 женских и 3 мужских сценария, а остальные встречаются как у мужчин, так и у женщин.

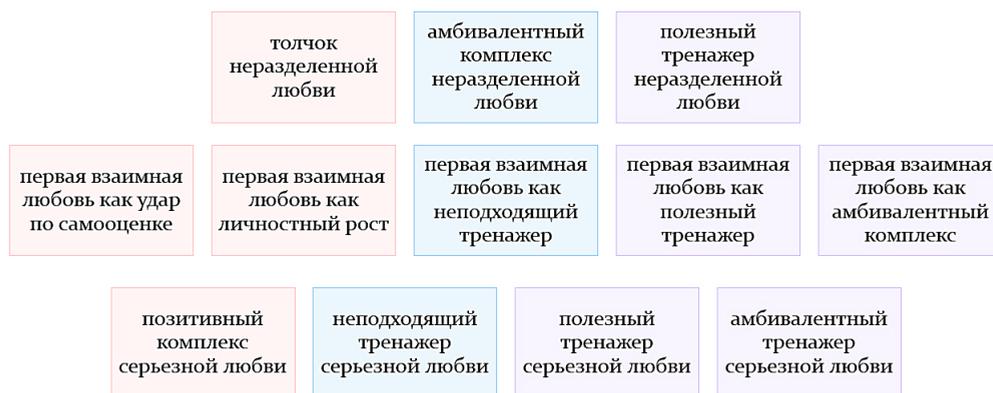

Рисунок 2. Итоговая типология гендерных сценариев первой романтической любви

Общие сценарии — это все три полезные (позитивные) тренажеры, а также амбивалентный тренажер и амбивалентный комплекс. Полностью негативный опыт, его понимание, оценка и значение различаются у мужчин и женщин. Женский гендерный сценарий негативного опыта описывается первой взаимной любовью и ударом по самооценке, что соотносится с выводами К. Далессандро и Э. Уилкинс, а также Н. Чодороу о том, что женщины определяют себя через отношения с другими [Chodorow, 1974; Dalessandro, Wilkins, 2017]. Мужские гендерные сценарии негативного опыта — это тренажер первой взаимной и уже серьезной любви, то есть вынесены полезные уроки и взгляды из этого опыта, однако негативные эмоции к партнеру и отношениям перекрывают все хорошее впечатление об этом опыте. Женский гендерный сценарий неразделенной любви — четко позитивный — это личностный рост, развитие, что также подтверждает выводы о женском определении себя через других. Мужской гендерный сценарий неразделенной любви — амбивалентный, поскольку произошло множество последствий — и рост, и занижение самооценки, и горькие уроки. Еще два женских гендерных сценария — позитивные. Это личностный рост через первую взаимную любовь и комплекс через серьезную (чем серьезнее опыт, тем серьезнее последствия). То есть в целом женщины больше оценивают свой опыт положительно, прорабатывают его, даже если в нем был какой-то негатив. Мужчины же такой опыт более склонны относить к амбивалентному.

Таким образом, несмотря на существующие гендерные различия в представлениях, переживании и выражении романтической любви, ее понимание у мужчин и женщин принципиально не различается. Как мужчины, так и женщины подчеркивают важность сексуального опыта в романтических отношениях, однако в силу отсутствия опытности в первой романтической любви сексуальные отношения опущены. Также первая романтическая любовь описывается информантами двумя противоречивыми моделями — режимом выбора, или терапевтическим дискурсом, в рамках которых романтические отношения основаны на собственных интересах, чувства сдерживаются во избежание разбитого сердца, и режимом судьбы, идеализирующим страдания и жертву как критерии полноценности чувств [Аронсон, 2020]. А вот отношение к первой романтической любви у женщин выражено более эмоционально, чем у мужчин, избегающих позитивной эмоциональности и описывающих в большей степени первую романтическую любовь как нейтральный опыт. Наконец, говоря о значении первой романтической любви, женщины более склонны вспоминать о первом романтическом опыте, чем мужчины. В их нарративах больше оценки, позитивных и проработанных сценариев, в то время как мужчины больше отмечают отсутствие влияния первой романтической любви, однако делают выводы так же, как и женщины. Можно наблюдать практически одинаковое количество сценариев горьких уроков, учебника отношений и эмоциональной трезвости у мужчин и женщин, но в то же время мужчины описывают больше переломных моментов и стратегий, а женщины — рост и самосовершенствование.

Заключение

Исследование гендерных сценариев первой романтической любви показало, что культурный образец романтической любви действительно размыт и противоречив. Присутствует как идеализация любви, страданий, так и рационализация опыта. Поэтому важно понимать, что происходит именно на уровне сценариев — усвоенных схем поведения, которые совмещают в себе и транслируемые культурные модели, и реконструируемый опыт. Сценарий первой романтической любви в этом плане особенный. Это первый опыт, старт сценарирования, поэтому при его реализации существуют преимущественно только образы и представления того, как этот опыт должен осуществляться, которые затем заземляются на конкретные действия, реакцию другой стороны и корректируются. В данном исследовании этот опыт первой романтической любви происходит сквозь призму пережитого нового опыта.

Согласно выделенным гендерным сценариям первой романтической любви, в целом этот опыт скорее положительный — он прорабатывается, из него делают важные выводы и с его помощью меняются в лучшую сторону. Однако все же иногда первый опыт является болезненным и не до конца проработанным, оцененным. Существуют также определенные гендерные особенности, связанные прежде всего с эмоциями и значением первой романтической любви. Так, женские сценарии в большей степени положительны и касаются личностного роста, самооценки — то есть прослеживается важность определения себя через партнера и отношения с ним, тогда как мужские сценарии более негативны и содержат больше переломных моментов и стратегий из неудачного опыта. В исследовании также были обнаружены и описания первой романтической любви, противоречащие гендерным стереотипам. Как и женщины, мужчины сильно переживают романтические чувства, однако стремятся не афишировать это. Даже в своих нарративах, которые были настолько же подробными, как и женские, они стараются избегать описания положительных эмоций и чувств. Также мужчины ценят внешность не больше, чем женщины, для них важны и внутренние качества. А для женщин сексуальные отношения без романтической любви не столь проблематичны, как предполагается.

Итак, романтическая любовь в целом является многогранным феноменом, но ее единая концептуализация отсутствует. В данной работе предложено обобщающее понятие романтической любви как универсального, включающего в себя все вариации и обусловленного культурой феномена. Романтическая любовь — это нагруженное культурными смыслами чувство, возникающее в результате влюбленности — яркого, интенсивного чувства. Для большинства информантов первая романтическая любовь была такой. Этот первый опыт мало чем отличается от последующих романтических чувств, но он в большей степени, чем последующий, является невзаимным, с отсутствием сексуального опыта и перспективы брака. Не все опираются в эмоциональной жизни на первую романтическую любовь — есть более поздний и значимый опыт. Но все-таки она задает траекторию последующего опыта.

Литература

- Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Аронсон П. Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств. М.: Individuum, 2020.
- Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2006.
- Гидденс Э. Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.
- Ильин Е. П. Психология любви. СПб.: Питер, 2013.
- Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>
- Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>
- Симонова О. А. Гендерные стереотипы и эмоциональная жизнь // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2015. Т. 3. № 3. С. 103–124.
- Фромм Э. Искусство любить / Пер. с англ. А. В. Александровой. М.: АСТ, 2018.
- Alea N., Vick S. C. The First Sight of Love: Relationship-Defining Memories and Marital Satisfaction across Adulthood // Memory. 2010. Vol. 18. № 7. P. 730–742. DOI: <https://doi.org/10.1080/09658211.2010.506443>
- Bauman Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Cambridge: Polity, 2003.
- Chodorow N. Family Structure and Feminine Personality // Women, Culture and Society / Ed. by M. Rosaldo, L. Lamphere. Stanford: Stanford University Press, 1974. P. 43–66.
- Chodorow N. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1978. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520924086>
- Cross S. E., Madson L. Models of the Self: Self-Construals and Gender // Psychological Bulletin. 1997. Vol. 122. № 1. P. 5–37. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.122.1.5>
- Dalessandro C., Wilkins A. C. Blinded by Love: Women, Men and Gendered Age in Relationship Stories // Gender and Society. 2017. Vol. 31. № 1. P. 96–118. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891243216679121>
- Dunlop W. L. et al. Sticking to the (Romantic) Script: An Examination of Love Life Scripts, Stories, and Self-Reports of Normality // Memory. 2017. Vol. 25. № 10. P. 1444–1454. DOI: <https://doi.org/10.1080/09658211.2017.1316509>
- Durkheim E. La prohibition de l'inceste et ses origins // Année sociologique. 1896–1897. Vol. 1. P. 1–70.
- Ellis A. A Study of Human Love Relationships // The Pedagogical Seminary and Journal of Genetic Psychology. 1949. Vol. 75. № 1. P. 61–71. DOI: <https://doi.org/10.1080/08856559.1949.10533509>
- Fehr B., Broughton R. Gender and Personality Differences in Conceptions of Love: An Interpersonal Theory Analysis // Personal Relationships. 2001. Vol. 8. № 2. P. 115–136. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6811.2001.tb00031.x>
- Felmlee D. H., Sprecher S. Love // Handbook of the Sociology of Emotions / Ed. by J. E. Stets, J. H. Turner. New York: Springer, 2006. P. 389–409. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-30715-2_18
- Gagnon J. H., Simon W. Sexual Conduct: The Social Sources of Human Sexuality. Chicago: Aldine, 1973.
- Grunebaum H. Thinking about Romantic/Erotic Love // Journal of Marital and Family Therapy. 1997. Vol. 23. № 3. P. 295–307. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.1997.tb01037.x>
- Hatfield E. Passionate and Companionate Love // The Psychology of Love / Ed. by R. J. Sternberg, M. L. Barnes. New Haven: Yale University Press, 1988. P. 191–217.

Hazan C., Shaver P. Romantic Love Conceptualized as an Attachment Process // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 52. № 3. P. 511–524. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.52.3.511>

Hendrick C. et al. Do Men and Women Love Differently? // Journal of Social and Personal Relationships. 1984. Vol. 1. № 2. P. 177–195. DOI: <https://doi.org/10.1177/0265407584012003>

Hendrick S., Hendrick C. Lovers as Friends // Journal of Social and Personal Relationships. 1993. Vol. 10. № 3. P. 459–466. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0265407593103011>

Hochschild A. Emotion Work, Feeling Roles, and Social Structure // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85. № 3. P. 551–575. DOI: <https://doi.org/10.1086/227049>

Hochschild A. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 1983.

Illouz E. Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism. Berkeley: University of California Press, 1997. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520917996>

Illouz E. Why Love Hurts: A Sociological Explanation. Cambridge: Polity, 2012.

Jackson S. Even Sociologists Fall in Love: An Exploration in the Sociology of Emotions // Sociology. 1993. Vol. 27. № 2. P. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0038038593027002002>

Karandashev V. A Cultural Perspective on Romantic Love // Online Readings in Psychology and Culture. 2015. Vol. 5. № 4. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1135>

Karandashev V. Cross-Cultural Perspectives on the Experience and Expression of Love. Cham: Springer, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-15020-4>

Luhmann N. Love as Passion: The Codification of Intimacy. Cambridge: Harvard University Press, 1986.

Parsons T. The Kinship System of the Contemporary United States // American Anthropologist. 1943. Vol. 45. № 1. P. 22–38. DOI: <https://doi.org/10.1525/aa.1943.45.1.02a00030>

Rusu M. S. Theorising Love in Sociological Thought: Classical Contributions to a Sociology of Love // Journal of Classical Sociology. 2018. Vol. 18. № 1. P. 3–20. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1468795X17700645>

Sorokin P. A. The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation. Radnor: Templeton Foundation Press, 1954.

Sprecher S., Regan P. Passionate and Companionate Love in Courting and Young Married Couples // Sociological Inquiry. 1998. Vol. 68. № 2. P. 163–185. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-682x.1998.tb00459.x>

Sternberg R. J. A Triangular Theory of Love // Psychological Review. 1986. Vol. 93. № 2. P. 119–135. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0033-295X.93.2.119>

Thomas W. I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Boston: R. G. Badger, 1918.

Walster E., Walster G. W. A New Look at Love. Reading: Addison-Wesley, 1978.

Weber M. Religious Rejection of the World and Their Directions // From Max Weber: Essays in Sociology. New York: Oxford University Press, 1946. P. 323–359.

Сведения об авторе:

Сокол Анна Владимировна — руководитель проектов, Online Market Intelligence, Москва, Россия. **E-mail:** sokol1997@inbox.ru. **ORCID ID:** [0000-0002-4236-6970](https://orcid.org/0000-0002-4236-6970).

Статья поступила в редакцию: 13.09.2021

Принята к публикации: 03.12.2021

The Discourse of the First Romantic Love: Gender Scenarios¹

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.4

Anna V. Sokol

Online Market Intelligence, Moscow, Russia
E-mail: sokol1997@inbox.ru

The sexual, gender and family revolutions of the 20th century led to a massive transformation of the institutions of marriage, family and romantic relationships, and with them to the changes in the concept of romantic love, which continue to this day. In modern society, various and even contradictory cultural models and discourses appear, between which individuals are forced to maneuver, using scenarios that are recommendations, schemes of socially expected actions. An important role in the assimilation, application and further formation of attitudes and practices of romantic love is played by the first encounter with it, which is the starting point in feeling for the boundaries of acceptable behavior and the feelings accompanying it. But what experience do individuals themselves refer to first romantic love, how is it evaluated, and what meaning does it have for them? Does this built experience of first romantic love differ between men and women? This study explores these issues by referring to the informants' discursive experience and reconstructing, based on it, the fulfilled gender scenarios of first romantic love, based on a larger cultural model. Based on 30 narrative interviews, 12 scenarios of first romantic love were found, 7 of which are gender specific. There are no fundamental differences in the understanding of first romantic love between men and women, however, its assessment is more emotionally expressed in women, their scenarios are more positively worked out, while men have more negative and ambivalent experiences in the scenarios. The study also confirms that the cultural pattern of romantic love is indeed blurred and contradictory.

Keywords: first romantic love; discourse; gender scenarios; narrative interview

References

- Alea N., Vick S. C. (2010) The First Sight of Love: Relationship-Defining Memories and Marital Satisfaction across Adulthood. *Memory*. Vol. 18. No. 7. P. 730–742. DOI: <https://doi.org/10.1080/09658211.2010.506443>
- Andreeva G. M. (2001) *Psihologiya social'nogo pozvaniya* [Psychology of Social Cognition]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Aronson P. (2020) *Lyubov': sdelay sam. Kak my stali menezherami svoih chuvstv* [Love: Do It Yourself. How We Became Managers of Our Feelings]. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Bauman Z. (2003) *Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds*. Cambridge: Polity.
- Bendas T. V. (2006) *Gendernaya psihologiya* [Gender Psychology]. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Chodorow N. (1974) Family Structure and Feminine Personality. In: Rosaldo M., Lamphere L. (eds.) *Women, Culture and Society*. Stanford: Stanford University Press. P. 43–66.
- Chodorow N. (1978) *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520924086>
- Cross S. E., Madson L. (1997) Models of the Self: Self-Construals and Gender. *Psychological Bulletin*. Vol. 122. No. 1. P. 5–37. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.122.1.5>
- Dalessandro C., Wilkins A. C. (2017) Blinded by Love: Women, Men and Gendered Age in Relationship Stories. *Gender and Society*. Vol. 31. No. 1. P. 96–118. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891243216679121>

¹ The research was conducted with the financial support of the "Online Market Intelligence" company.

Dunlop W.L. et al. (2017) Sticking to the (Romantic) Script: An Examination of Love Life Scripts, Stories, and Self-Reports of Normality. *Memory*. Vol. 25. No. 10. P. 1444–1454. DOI: <https://doi.org/10.1080/09658211.2017.1316509>

Durkheim E. (1896–1897) La prohibition de l'inceste et ses origins. *Année sociologique*. Vol. 1. P. 1–70.

Ellis A. (1949) A Study of Human Love Relationships. *The Pedagogical Seminary and Journal of Genetic Psychology*. Vol. 75. No. 1. P. 61–71. DOI: <https://doi.org/10.1080/08856559.1949.10533509>

Fehr B., Broughton R. (2001) Gender and Personality Differences in Conceptions of Love: An Interpersonal Theory Analysis. *Personal Relationships*. Vol. 8. No. 2. P. 115–136. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6811.2001.tb00031.x>

Felmlee D.H., Sprecher S. (2006) Love. In: Stets J.E., Turner J.H. (eds.) *Handbook of the Sociology of Emotions*. New York: Springer. P. 389–409. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-30715-2_18

Fromm E. (2018) *Iskusstvo lyubit'* [The Art of Loving] / Transl. from Eng. by A.V. Aleksandrova. Moscow: AST. (In Russ.)

Gagnon J.H., Simon W. (1973) *Sexual Conduct: The Social Sources of Human Sexuality*. Chicago: Aldine.

Giddens A. (2004) *Transformaciya intimnosti: Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennyh obshchestvah* [The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies]. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Grunebaum H. (1997) Thinking about Romantic/Erotic Love. *Journal of Marital and Family Therapy*. Vol. 23. No. 3. P. 295–307. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.1997.tb01037.x>

Hatfield E. (1988) Passionate and Companionate Love. In: Sternberg R.J., Barnes M.L. (eds.) *The Psychology of Love*. New Haven: Yale University Press. P. 191–217.

Hazan C., Shaver P. (1987) Romantic Love Conceptualized as an Attachment Process. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 52. No. 3. P. 511–524. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.52.3.511>

Hendrick C. et al. (1984) Do Men and Women Love Differently? *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 1. No. 2. P. 177–195. DOI: <https://doi.org/10.1177/0265407584012003>

Hendrick S., Hendrick C. (1993) Lovers as Friends. *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 10. No. 3. P. 459–466. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0265407593103011>

Hochschild A. (1979) Emotion Work, Feeling Roles, and Social Structure. *American Journal of Sociology*. Vol. 85. No. 3. P. 551–575. DOI: <https://doi.org/10.1086/227049>

Hochschild A. (1983) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press.

Il'in E.P. (2013) *Psihologiya lyubvi* [Psychology of Love]. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Illouz E. (1997) *Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism*. Berkeley: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520917996>

Illouz E. (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity.

Jackson S. (1993) Even Sociologists Fall in Love: An Exploration in the Sociology of Emotions. *Sociology*. Vol. 27. No. 2. P. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0038038593027002002>

Karandashev V. (2015) A Cultural Perspective on Romantic Love. *Online Readings in Psychology and Culture*. Vol. 5. No. 4. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1135>

Karandashev V. (2019) *Cross-Cultural Perspectives on the Experience and Expression of Love*. Cham: Springer. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-15020-4>

Luhmann N. (1986) *Love as Passion: The Codification of Intimacy*. Cambridge: Harvard University Press.

Parsons T. (1943) The Kinship System of the Contemporary United States. *American Anthropologist*. Vol. 45. No. 1. P. 22–38. DOI: <https://doi.org/10.1525/aa.1943.45.1.02a00030>

Radaev V.V. (2018) Millenialy na fone predshestvuyushchih pokolenij: empiricheskij analiz [Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis]. *Sotsiologicheskie*

issledovaniya [Sociological Studies]. No. 3. P. 15–33. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2020) INTER-entsiklopediya: narrativnoe interv'yuu [INTER-Encyclopedia: Narrative Interview]. *Interaktsiya. Interv'yuu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 4. P. 114–127. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>

Rusu M. S. (2018) Theorising Love in Sociological Thought: Classical Contributions to a Sociology of Love. *Journal of Classical Sociology*. Vol. 18. No. 1. P. 3–20. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1468795X17700645>

Simonova O. A. (2015) Gendernye stereotipy i emocional'naya zhizn' [Gender Stereotypes and Emotional Life]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social Sciences and Humanities. National and Foreign Literature. Series 11: Sociology]. Vol. 3. No. 3. P. 103–124. (In Russ.)

Sorokin P. A. (1954) *The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation*. Radnor: Templeton Foundation Press.

Sprecher S., Regan P. (1998) Passionate and Companionate Love in Courting and Young Married Couples. *Sociological Inquiry*. Vol. 68. No. 2. P. 163–185. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-682x.1998.tb00459.x>

Sternberg R. J. (1986) A Triangular Theory of Love. *Psychological Review*. Vol. 93. No. 2. P. 119–135. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0033-295X.93.2.119>

Thomas W. I., Znaniecki F. (1918) *The Polish Peasant in Europe and America*. Boston: R. G. Badger.

Walster E., Walster G. W. (1978) *A New Look at Love*. Reading: Addison-Wesley.

Weber M. (1946) Religious Rejection of the World and Their Directions. *From Max Weber: Essays in Sociology*. New York: Oxford University Press. P. 323–359.

Author bio:

Anna V. Sokol — Fieldwork Specialist, Online Market Intelligence, Moscow, Russia.

E-mail: sokol1997@inbox.ru. **ORCID ID:** [0000-0002-4236-6970](https://orcid.org/0000-0002-4236-6970).

Received: 13.09.2021

Accepted: 03.12.2021